

Е. М. Чекалина

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ АРТИКЛЕЙ И МЕСТОИМЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ ШВЕДСКОМ ЯЗЫКЕ

Одним из важнейших открытий лингвистики XX столетия стал постулат об антропоцентрической сущности языка как семиотической системы, основные референциальные точки которой соотнесены с говорящим индивидом. По мере развития и углубления семантических исследований в науке о языке сложилось новое направление — лингвистическая прагматика, изучающая принципы выбора и закономерности употребления различных языковых средств, которые «предстают в речи пропущенными сквозь призму наших нужд, потребностей и желаний в смутном свете субъективного восприятия»¹. Организующим центром смыслового пространства языковых систем стал человек со всеми его психологическими комплексами². Конкретные исследования на материале различных языков делали все более очевидным тот факт, что в значении самых обычных слов и грамматических категорий и форм может передаваться установка говорящего на выражение отношения к своей собственной речи и к тому, что в ней сообщается.

В отечественной лингвистике одним из первых на это обратил внимание А. М. Пешковский, который выделил в русском языке особый разряд субъективно-объективных категорий, в значении которых содержится «элемент субъективности, элемент отношения говорящего к своей собственной речи»³. На материале шведского языка почти не существует специальных работ

© Е. М. Чекалина, 2011

по прагматической семантике. Вместе с тем указание на установку говорящего при выборе тех или иных языковых средств можно обнаружить и в общих описаниях грамматики, и в конкретных исследованиях по отдельным проблемам. Автором этой статьи ранее были проведены исследования грамматических средств выражения временных значений прошлого и будущего, а также пассивного залога в русле прагматической семантики. Это позволило выявить смысловую корреляцию между актуальной для говорящего информацией, представленной субъективно сквозь призму его интерпретации, с одной стороны, и концептуально дистанцированной информацией, содержащей объективную констатацию, с другой⁴.

На других участках шведской языковой системы прагматическая семантика, обусловленная установкой говорящего, наиболее рельефно выступает там, где грамматика как бы «дает сбой», допуская не только вариативность употребления различных средств, казалось бы, в идентичных функциях, но и выход за пределы строгой грамматической нормы, что характерно для устной и базирующихся на ней регистрах неформальной письменной речи. Особенно интересные с точки зрения лингвистической прагматики тенденции проявляются в области употребления артиклей и местоименных слов, грамматические функции которых непосредственно связаны с выражением установки говорящего на основе коммуникативного дейксиса.

В описаниях шведской грамматики не раз отмечалось, что при обобщенной референции класса денотатов считаемые существительные в единственном числе обычно употребляются с определенным артиклем: *Lunnefågeln har försvunnit från Sverige*⁵ 'Тупик исчез из Швеции'; *Hästen har hovar*⁶ 'У лошади есть копыта'; *Katten blev vanlig som husdjur i Norden först i nyare tid* 'В Скандинавии домашние кошки появились относительно недавно'; *Vilkkatten dog ut i vårt land för länge sedan* 'Дикие кошки в нашей стране давно вымерли'; *Båvern och uttern bygger dammar* 'Бобер и выдра строят запруды'⁷.

Во всех приведенных высказываниях содержится объективно представленная констатация общеизвестных фактов.

Употребление неопределенного артикля при обобщенной референции более редко и всегда маркировано прагматически. Оно встречается только в таких высказываниях, не являющихся обще-

известными истинами, которые передают субъективное мнение и/или оценку говорящего. На это могут указывать контекстуальные факторы:

1) модальный глагол в сказуемом: En hund bör vara lydig⁸ 'Собака должна быть послушной'; En flicka ska dofta som ett glas rent vatten⁹ 'Девушка должна пахнуть (свежестью) как стакан чистой воды'; En polisman får helt enkelt inte uppträda så¹⁰ 'Полицейскому просто-напросто нельзя так вести себя'; En katt kan vara ett lämpligt sällskapsdjur för en pensionär¹¹ 'Кошка — подходящее домашнее животное, которое пенсионер может завести, чтобы ему не было скучно';

2) отрицание: En dam petar inte näsan offentligt¹² 'При людях дама не ковыряет в носу'; En pojke gråter inte¹³ 'Мальчики не плачут';

3) сказуемое, выраженное обобщенным презенсом: En hund jaggar katter¹⁴ 'Собака обычно гоняет кошек'; En kvinna föder barn¹⁵ 'Женщина предназначена для того, чтобы рожать детей'; En granne ställer alltid upp med råd och då¹⁶ 'Сосед всегда поможет словом и делом'.

Интересные примеры употребления именного словосочетания в определенной и неопределенной формах в идентичном контексте приводит в своей статье шведский исследователь Т. Петтерсон: Den svenske socialdemokraten / En svensk socialdemokrat lever och dör för sitt parti¹⁷ 'Шведский социал-демократ живет ради своей партии и умирает за нее'. Он отмечает, что если при употреблении определенной формы имеет место констатация объективно представленного факта как общеизвестной истины (en allmänt accepterad sanning), то в высказывании с неопределенным артиклем в случае обобщенной референции содержится субъективно-модальная коннотация назидательности.

При употреблении существительного во множественном числе для выражения обобщенной референции говорящий также делает выбор между определенной и безартиклевой неопределенной формой, в зависимости от того, интерпретируется ли им сообщаемая информация как общеизвестная истина, содержащая объективную констатацию факта, или передается его собственная установка. При идентичном лексическом наполнении грань между этими двумя альтернативами может быть очень тонкой: Japanerna (констатация факта, основанного на эмпирических данных) / Japaner (мнение го-

ворящего, основанное на его собственном опыте) är skickliga affärsmän¹⁸ ‘Японцы — хорошие бизнесмены’.

При разном лексическом наполнении высказываний различие между объективной констатацией факта и выражением установки говорящего выступает ярче: I Sverige har katterna det bra ‘В Швеции кошкам живется хорошо’ — Katter används vid plågsamma djurförsök ‘Кошек используют в болезненных опытах над животными’¹⁹.

Отмеченное различие становится еще более заметным при различном лексическом наполнении существительного. Так, при обозначении вымышленных существ, которые не существуют в действительности, возможно употребление только неопределенной формы существительного, поскольку такие высказывания с точки зрения прагматики не могут передавать общеизвестные истины и объективные факты. Ср.: Katterna är ett vanligt sällskapsdjur ‘Кошки — обычные домашние животные, которых заводят для компании’ — Enhörningar är vanliga sagodjur ‘Единороги — типичные сказочные звери’²⁰.

Интересные особенности прагматического характера наблюдаются при употреблении существительных в предикативной функции. Грамматическое правило гласит, что при отнесенности референта к социальному классу, чаще всего выраженному существительными со значением профессии, национальной, религиозной и партийной принадлежности, употребляется безартиклевая форма: Henrik är bergsklättrare ‘Хенрик — альпинист’; Eugenia är dansös ‘Евгения — танцовщица’; Johan är katolik ‘Юхан — католик’; Lisa är folkpartist ‘Лиза — член Народной партии’²¹; Han är katolsk biskop ‘Он — католический священник’; Han är vikarierande lärare ‘Он — учитель, находящийся на временной ставке’; Jag är svensk ‘Я — швед’²².

Употребление неопределенного артикля с существительными в предикативной функции возможно только при выражении оценочной коннотации для передачи субъективной установки говорящего. Это особенно заметно, когда в лексической семантике существительного содержится пейоративный компонент: Han är en (riktig) bedragare ‘Он — (настоящий) обманщик’; Han är en hedersknyffel ‘Он — славный парень’; Hon är en sladdertacka ‘Она — сплетница’; Glistrup är en skojare ‘Глиструп — шутник’²³.

Еще заметнее это различие проявляется в идентичных контекстах, когда безартиклевая форма существительного обозначает принадлежность к определенному классу референтов, а употребление неопределенного артикля возможно только в случае метафоры; ср.: Han är bödel 'Он палач' — Han är en bödel 'Он настоящий палач'²⁴; Han är trollkarl (till yrket) 'Он — фокусник (по профессии)' — Han är en trollkarl (som kan åstadkomma det otroliga) 'Он — настоящий фокусник (который может осуществить невероятное)'; Hon är konstnär (till yrket) 'Она — художник (по профессии)' — Hon är en konstnär en konstnärlig person) 'Она — настоящий художник (художественная натура)'; Hon är ledare (ansvarig ledare) 'Она — руководитель (ответственный за работу)' — Hon är en ledare (en ledartyp) 'Она — настоящий лидер (как психологический тип)²⁵'; Han uppträdde som åsna på maskeraden 'На маскараде он был в костюме осла' — Han uppträdde som en åsna 'Он вел себя как осел'²⁶.

Особо следует остановиться на так называемом эмотивном употреблении неопределенного артикля в местоименном значении с несчитаемыми существительными при наличии определения с пейоративной семантикой, указывающей (чаще) на негативную или (реже) позитивную оценку со стороны субъекта речи: Det var mig ett smaklöst kaffe du har bryggt²⁷ 'Ты приготовил какой-то безвкусный кофе'; Det var en sur ved du har 'У тебя какие-то сырые дрова'; Det är en kvalificerad smörja han har skrivit 'Ты написал какую-то ерунду'; De visade en påtaglig respekt för oss 'Они проявили по отношению к нам явное уважение'²⁸. Субъективная установка говорящего находит здесь выражение и в синтаксической структуре высказываний с выделительной конструкцией, часто (первые два примера) в сочетании с эмотивно-оценочным претеритом связочного глагола, а также указывающей на субъективность оценки объектной формой плеонастического местоимения 1-го лица mig (ср. русские высказывания типа: *Ты мне только попробуй! Ты у меня смотри!*).

Еще более маркированное эмотивно-оценочное местоименное употребление неопределенного артикля с показателем множественного числа при существительных во множественном числе: Ni betedde er som ena kvalificerade dumbommar 'Вы вели себя как настоящие дураки'; Hon uppfostrade sina barn till ena riktiga snobbar 'Она воспитала из своих детей настоящих снобов'; Du har alltid ena kon-

stiga kompisar med dig 'У тебя всегда какие-то странные приятели'; Han har köpt ena äckliga blommor 'Он купил какие-то отвратительные цветы'; Han lagade alltid ena gudomliga / bedrövliga köttbullar 'Он всегда готовил какие-то божественные / мерзкие тефтели'²⁹.

Как показывают все рассмотренные выше примеры, при выражении субъективной установки говорящего в шведском языке может использоваться неопределенный артикль. Возможно, это обусловлено тем, что в грамматической семантике неопределенности содержится указание на то, что передаваемая в высказывании информация известна только субъекту речи и недоступна ее адресату. Сказанное подтверждается прагматическими различиями между употреблением неопределенного артикля и неопределенного местоимения в вопросительных высказываниях с различной прагматической установкой. Так, неопределенный артикль, а не местоимение употребляются в том случае, когда говорящий ожидает утвердительный ответ на вопрос: Har du redan köpt en julgran?³⁰ 'Ты уже купил елку?' В аналогичном вопросе с неопределенным артиклем Står det en bil därnere?³¹ 'Внизу стоит машина?' говорящий указывает на то, что ждет машину, в то время как такая коннотация отсутствует при замене артикля неопределенным местоимением Står det någon bil därnere?³² 'Внизу стоит какая-нибудь машина?' Именно поэтому только употребление неопределенного артикля в общем вопросе допускает эксплицитное выражение субъективной модальности наречием: Har du verkligen skjutit en älg?³³ 'Ты действительно убил лося?' Кроме того, общий вопрос с неопределенным артиклем может использоваться при выражении косвенного речевого акта и содержать предложение говорящего, тогда как при употреблении неопределенного местоимения в высказывании действительно содержится вопрос; ср.: Ska vi anställa en assistent? 'Может, нам надо взять ассистента?'; Ska vi anställa någon assistent? 'Нам надо взять ассистента?'³⁴ Показательно, что в зависимости от выбора способа передачи неопределенности меняется модальная семантика глагола ska в сказуемом: в высказывании с неопределенным артиклем передается призыв субъекта речи к совместному с адресатом действию, а в вопросе с неопределенным местоимением модальный глагол выступает со значением внешнего долженствования.

Тонкие прагматические различия связаны с употреблением существительных в безартиклевой или определенной форме после местоименного указателя, когда определением к существительному выступает относительное придаточное предложение с союзом *som*. Как отмечает Т. Петтерсон, сравнивая два употребления — *Den villa / Den villan som låg vid sjön var till salu*³⁵ ‘Та самая вилла / Та вилла у озера продавалась’, в случае безартиклевой формы местоименный компонент выступает в функции детерминатива, а высказывание содержит указание на актуальность референта для участников коммуникативной ситуации. При употреблении определенной формы местоименный компонент имеет указательную функцию, а высказывание содержит объективную констатацию факта, имевшего место в дистантном прошлом. Наличие или отсутствие показателя определенности при существительном в аналогичных по синтаксической структуре высказываниях с модальным глаголом должностования *måste*, который имеет омонимичные формы презенса и претерита, служит средством разграничения временной отнесенности — к будущему при безартиклевой форме существительного с детерминативом или к дистантному прошлому — при определенной форме с указательным местоимением *den*: *Den gång / Den gången jag måste sluta med mitt pensionat*³⁶ ‘В тот раз, когда мне придется / пришлось расстаться со своим пансионатом’. Сопоставляя высказывания *Den dagen / Den dag du svek mig blev jag djupt olycklig*³⁷, Т. Петтерсон отмечает, что первое из них содержит констатацию имевшего в прошлом факта (‘В тот день, когда ты покинул меня, я стала глубоко несчастной’). В то же время второе высказывание может быть интерпретировано только в категории нереального наклонения, допускающего употребление претеритальной формы как средства выражения гипотетичности (‘В тот день, когда ты покинул бы меня, я бы стала глубоко несчастной’).

При употреблении сказуемого придаточной части в форме презенса также имеются существенные различия в прагматической семантике. Так, в высказывании с безартиклевой формой содержится указание на актуальность будущего для говорящего: *Den dag du gör något sådant kommer jag att förakta dig*³⁸ ‘В тот день, когда ты совершишь нечто подобное, я стану презирать тебя’. Напротив, при употреблении идентичного высказывания с определенной формой

существительного сказуемое придаточной части, скорее всего, следует трактовать как драматический презенс, а сказуемое главной части — как видовую конструкцию с ингрессивной семантикой: *Den dagen du gör något sådant kommer jag att förakta dig*³⁹ ‘В тот день, когда ты совершаешь нечто подобное, я начинаю презирать тебя’. При этом субъект речи как бы выводит ситуацию за пределы коммуникативной ситуации, интерпретируя описываемое событие как уже свершившееся.

Важная область, в которой всегда находит проявление прагматическая семантика, — употребление указательных местоимений, которые представлены в шведском языке тремя рядами форм. В устной речи чаще употребляются составные местоимения с выраженным в наречных компонентах *här* ‘здесь’ / *där* ‘там’ дейксисом близкого для коммуникативной ситуации (*этом*) в случае *den här* / *det här* / *de här* и дальнего, находящегося за ее пределами (*том*) в случае *den där* / *det där* / *de där*. В письменной речи более употребительны местоимения *denna*, *detta*, *dessa* при безартиклевой форме существительного и обязательно ударные *den*, *det*, *de* с определенной формой существительного, которые также различаются тем, что могут выражать ближнюю (*этом*) или дальнюю (*том*) перспективу.

При указании на ближнюю перспективу местоимениями *den här*, *det här*, *de här* возможно выражение негативного отношения говорящего с оттенком дистанцированности и отчуждения, о чем свидетельствуют некоторые примеры, приводимые в Шведской академической грамматике: *Så vitt jag kunde förstå följde han med i den här debatten om dödshjälp*⁴⁰ ‘Насколько я мог понять, он принимал участие в этих дебатах об эвтаназии’. При таком употреблении речь идет о предметах, известных обоим участникам коммуникативной ситуации, которые отвергаются говорящим как неприятные, неприемлемые или чуждые. Аналогичное наблюдение содержится в работе Б. Мольде, который также усматривает в ряде употреблений этого местоимения негативный оттенок недовольства или презрения со стороны говорящего: *Jag är trött på det här ständiga käbblet*⁴¹ ‘Я устал от этих постоянных препирательств’. Он отмечает, что негативное отношение, предполагающее дистанцированность и отчуждение со стороны субъекта речи (*den avståndstagande bitonen*), может про-

являться и в словосочетании *det här landet* 'эта самая страна', что побуждает носителей языка с осторожностью относиться к такому употреблению.

Для выражения актуальной для говорящего эмотивно-оценочной коннотации в экспрессивной негативно окрашенной речи используются местоимения *denna, detta, dessa*: *Ack, denna sinnets ängslan, detta eviga tvivel!* 'Ах, эта тревога в душе, это вечное сомнение!'; *Å, detta helvetes regnande!* 'О, этот проклятый дождь!⁴²'; *Dessa evinnerliga predikningar!* 'Эти вечные проповеди!'; *Å, denna förbannade dörr som alltid är så svår att få upp.* 'О, эта проклятая дверь, которая всегда так трудно открывается⁴³'.

При выражении экспрессивно сниженной оценки находящегося за пределами коммуникативной ситуации используются местоимения *den, det, de*: *Nu har Karlsson, den stackarn, gått och ramlat igen* 'Этот бедняга Карлсон опять шел и свалился'; *Ingen trodde att den stackarn skulle förlora* 'Никто не верил, что этот бедняга проиграет'; *Jag vill inte prata med den djäveln* 'Я не хочу говорить с этим мерзавцем'; *Jag står inte ut med den pratkvarnen/idioten/dumbommem/skrytoxen* 'Я не выношу этого болтуна/идиота/дурака/хвастуна⁴⁴'.

Прагматическая семантика находит выражение и в области притяжательных и/или возвратных местоимений. Так, несмотря на строгое разграничение норм употребления возвратно-притяжательного местоимения *sin* и притяжательных местоимений 3-го лица, в шведском языке имеется пограничная область, в которой допускается их варьирование: *Varför vill (s) driva Britta från sitt / hennes hus?* 'Почему социал-демократы хотят выгнать Бритту из своего / ее дома?'; *Boken handlade om Annas liv i sin / hennes älskade sommarstuga* 'В книге рассказывалось о жизни Анны на своей / ее любимой даче⁴⁵'. В книге о спорных случаях шведской нормативной грамматики, где приведены эти примеры, отмечается, что ведущим фактором при выборе местоимения оказывается установка говорящего на интерпретацию описываемой ситуации либо как близкой, актуальной для говорящего (*närhet*) — при употреблении возвратного местоимения, либо, напротив, как дистанцированной (*distans*) — при употреблении притяжательного местоимения 3-го лица.

Анализируя тонкие прагматические нюансы, которыми различаются такие высказывания, авторы книги подчеркивают, что в

тех случаях, когда предпочтение отдается возвратному местоимению, говорящий выражает собственную позицию сопричастности и соперживания содержанию высказывания. Так, в риторическом вопросе о судьбе Бритты, который использовался в предвыборной агитации Умеренной коалиционной партии — основного соперника социал-демократов — было употреблено возвратное местоимение *sin*. В высказывании *Per åkte till Tyskland med Ingrid, sin/hans sekreterare*⁴⁶ ‘Пер поехал в Германию с Ингрид, своей секретаршей’ выбор притяжательного местоимения 3-го лица может быть обусловлен прагматически тем, что говорящий выражает свое неодобрение этого поступка или как-либо иначе дистанцируется от сообщения об этой поездке.

Таким образом, одно из важных проявлений прагматической семантики в шведском языке — это передаваемое различными языковыми средствами противопоставление того, что мыслится говорящим сквозь призму собственного субъективного восприятия как концептуально близкое, и того, что передается им как дистанцированная объективная данность.

¹ Балли Ш. Французская стилистика. М., 1961. С. 328.

² Арутюнова Н. Д., Падучева Е. В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. М., 1985. С. 8.

³ Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938. С. 106–107.

⁴ Чекалина Е. М. Смысловая корреляция субъективного и объективного в шведском языке // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2003. № 6. С. 77–92; Чекалина Е. М. Субъективный и объективный взгляд на вещи в зеркале шведского языка // Шведы. Сущность и метаморфозы идентичности. М., 2008. С. 268–293; Čekalina E. Olika sätt i svenskan att uttrycka den talandes subjektiva och objektiva attityd till den aktuella situationen // Grenzgänger. Festschrift zum 65. Geburtstag von Jurij Kusmenko. Nordeuropa-Institut der Humboldt-Universität. Berlin, 2006. S. 60–72.

⁵ Hultman T. G. Svenska Akademiens språklära. Stockholm, 2003. S. 67.

⁶ Bolander M. Funktionell svensk grammatik. Stockholm, 2001. S. 101.

⁷ Telemann U., Hellberg S., Andersson E. Svenska Akademiens grammatik: 4 Bde. Bd 2. Stockholm, 2000. S. 109.

⁸ Svartholm K. Svenskans artikelsystem. Meddelanden från Institutionen för nordiska språk vid Stockholms universitet, 3. Stockholm, 1978. S. 51.

⁹ Riserus H., Serin G., Vedin E. Kom i mål. Stockholm, 1992. S. 104.

¹⁰ *Teleman U., Hellberg S., Andersson E. Svenska Akademiens grammatik.* S. 424.

¹¹ *Ibid.* S. 110.

¹² *Svartholm K. Svenskans artikelsystem.* S. 51.

¹³ *Pettersson T. Bestämda och obestämda former // Kontrastiv fonetik och syntax med svenska i centrum / Utg. E. Gärding. Lund, 1976.* S. 121.

¹⁴ *Ibid.*

¹⁵ *Bolander M. Funktionell svensk grammatik.* S. 101.

¹⁶ *Teleman U., Hellberg S., Andersson E. Svenska Akademiens grammatik.* S. 424.

¹⁷ *Pettersson T. Bestämda och obestämda former.* S. 124.

¹⁸ *Teleman U., Hellberg S., Andersson E. Svenska Akademiens grammatik.* S. 110.

¹⁹ *Ibid.* S. 111.

²⁰ *Ibid.* S. 109.

²¹ *Bolander M. Funktionell svensk grammatik.* S. 101.

²² *Pettersson T. Bestämda och obestämda former.* S. 127.

²³ *Ibid.* S. 129.

²⁴ *Ibid.*

²⁵ *Hultman T. G. Svenska Akademiens språklära.* S. 218.

²⁶ *Bolander M. Funktionell svensk grammatik.* S. 100.

²⁷ *Teleman U., Hellberg S., Andersson E. Svenska Akademiens grammatik.* S. 407.

²⁸ *Ibid.* S. 410.

²⁹ *Ibid.*

³⁰ *Teleman U., Hellberg S., Andersson E. Svenska Akademiens grammatik.* S. 423.

³¹ *Ibid.* S. 422.

³² *Ibid.*

³³ *Ekerot L.-J. Ordföljd. Tempus. Bestämmdhet. Föreläsningar om svenska som andra språk. Malmö, 19195.* S. 175.

³⁴ *Teleman U., Hellberg S., Andersson E. Svenska Akademiens grammatik.* S. 423.

³⁵ *Pettersson T. Bestämda och obestämda former.* S. 140.

³⁶ *Ibid.*

³⁷ *Ibid.* S. 141.

³⁸ *Ibid.*

³⁹ *Ibid.*

⁴⁰ *Teleman U., Hellberg S., Andersson E. Svenska Akademiens grammatik.* S. 319.

⁴¹ *Molde B. Svenska idag. Stockholm, 1992.* S. 46.

⁴² *Teleman U., Hellberg S., Andersson E. Svenska Akademiens grammatik.* S. 817.

⁴³ Ibid. S. 313.

⁴⁴ Ibid. S. 326.

⁴⁵ Språkriktighetsboken. Utarbetad av Svenska språknämnden. (Skrifter utgivna av Svenska språknämnden, 93.) Stockholm, 2005. S. 222.

⁴⁶ Ibid.

Elena Chekalina

PRAGMATIC FUNCTIONS OF ARTIKLES AND PRONOUNS IN SWEDISH

The use of articles (in generalized functions and in determinative construction den subst. som...) and some kinds of pronouns (demonstrative, possessive and reflexive) in modern Swedish, based on their grammatical meanings, displays pragmatic functions which reflex the speaker's intention to interpret information either as subjectively internal and conceptually close, or as objectively external and conceptually distant.